

Научная статья
УДК 821.161.1+82.091
doi: 10.17223/24099554/18/3

ПЕЧОРИН И «МИРАЖИ ЗАПАДА»

Екатерина Витальевна Беликова

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия,
e.v.belikova@bk.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема влияния французской психологической прозы первой трети XIX в. на роман Лермонтова «Герой нашего времени». Неоднозначность данного вопроса обусловлена отсутствием явных свидетельств, подтверждающих знакомство писателя с романами Шатобриана, Констан, Мюссе и др. В связи с этим теория «французского влияния» имеет предполагаемый, гипотетический характер, осложняемый еще и тем, что несомненный для «Героя нашего времени» байронизм сам по себе восходит к французскому источнику.

Ключевые слова: Печорин, М. Лермонтов, «Герой нашего времени», Р. Шатобриан, «Рене», Б. Констан, «Адольф», А. де Мюссе, «Исповедь сына века»

Для цитирования: Беликова Е.В. Печорин и «миражи Запада» // Имагология и компаративистика. 2022. № 18. С. 59–71. doi: 10.17223/24099554/18/3

Original article
doi: 10.17223/24099554/18/3

PECHORIN AND «MIRAGES OF THE WEST»

Ekaterina V. Belikova

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, e.v.belikova@bk.ru

Abstract. The article compares the image of Pechorin (*A Hero of Our Time* by Mikhail Lermontov) and his possible French prototypes: François-René Chateaubriand's Rene, Benjamin Constant's Adolphe, and Alfred de Musset's Octave. The protagonist of Chateaubriand's *Rene* – the novel that stands at the origins of psychological prose of the 19th century – is typologi-

cally related to the image of Pechorin. The common fate of these characters is dissatisfaction, emotional draining, and inner emptiness. Structurally the images share such typological features as “intimations of passions” and mingled, indefinite, incomprehensible feelings. Pechorin as well as his French “prototype” lives an abundant life, full of energy and passion, worthy of a better cause. However, Pechorin, unlike Rene, neither renounces an earthly life nor wants to retire to a monastery. The religious theme in Lermontov’s novel is not as significant as in Chateaubriand’s, who considers Christianity the only salvation from the “intimations of passions.” Benjamin Constant’s Adolphe and Pechorin share romantic perspective: motifs of loneliness, alienation from society, and immersion in the inner world. Yet Pechorin’s outlook is wider than Adolphe’s, the latter being obsessed with the slightest impulses. Pechorin’s journal contains not only reflections on psychology, but also an outline of other characters and actions, magnificent landscapes, and philosophical reflections. It is obvious that the “Princess Mary” section from *A Hero of Our Time* is most closely related to Constant’s *Adolphe* through the themes of a love affair, seduction and play of feelings. Alfred de Musset’s novel *Confession of a Child of the Century* is primarily related to *A Hero of Our Time* through the title, which declares the typicality of the characters epitomizing the entire “timeless” generation. The novels by Musset and Lermontov are adjacent to psychological realism, depicting a person through society, time, and history. Pechorin, as well as the French “child of the century”, typifies the entire generation. The similarity of the images of Rene, Adolphe, Octave, and Pechorin, on the one hand, has a general romantic character, while on the other, is probably generated by the works of George Gordon Byron, who was a poet-mediator of French influence for Lermontov. However, Byron failed to provide Lermontov with the most subtle introspection and intense reflection French romantic prose was renowned for. The search for these features may have led Lermontov to the French “reflectors”: Rene, Adolphe, and Octave.

Keywords: Pechorin, Mikhail Lermontov, *A Hero of Our Time*, François-René Chateaubriand, *Rene*, Benjamin Constant, *Adolphe*, Alfred de Musset, *Confession of a Child of the Century*

For citation: Belikova, E.V. (2022) Pechorin and «mirages of the West». *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 18. pp. 59–71. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/18/3

Образ Печорина часто сопоставляли с его многочисленными западными «собратьями» (от Рене Шатобриана до Жюльена Сореля Стендаля). Примечательно, что вопрос «Печорин – герой западный или русский?» возник сразу после выхода романа. По мнению С.П. Шевырева, Печорин чужд русской жизни и выписан по меркам

западноевропейского романа. «Печорин, конечно, не имеет в себе ничего титанического; он и не может иметь его; он принадлежит к числу тех пигмеев зла, которыми так обильна теперь повествовательная и драматическая литература Запада <...> Печорин есть один только призрак, отброшенный на нас Западом, тень его недуга, мелькающая в фантазии наших поэтов, un mirage de l'occident (мираж запада. – Е.Б.) ...» [1. С. 535–536].

С.И. Родзевич, автор первой дореволюционной монографии, посвященной изучению французских предшественников Печорина, отталкивается от сравнения с героями Байрона. Отмечая бесспорный байронизм лермонтовского героя, ученый тем не менее констатирует, что присущие ему «сомнение в своих силах, скорбные нотки самообличения – все это черты, совершенно несвойственные Байрону» [2. С. 7]. «С этой стороны, – считает ученый, – несравненно ближе к Печорину герои французского романтизма – Рене Шатобриана, Адольф Бенжамена Констана и Октав А. де Мюссе» [2. С. 9].

Касаясь литературной генеалогии образа Печорина, Б. Томашевский также перечисляет байроновского Чайльд Гарольда, Рене Шатобриана, Обермана Сенанкура и Адольфа Констана. Эти герои, с точки зрения ученого, относятся к «новому роману», который «с его особым стремлением к психологизму и особыми приемами психологизации героя знаменует начало идеологического романа XIX в. К этому циклу романов принадлежит и «Герой нашего времени» [3. С. 497–498].

О проблеме «своего» и «чужого» в образе Печорина написано немало¹, но, на наш взгляд, этот вопрос продолжает оставаться актуальным. В повести «Рене» (1802), стоящей у истоков психологической прозы XIX в., Шатобриан впервые вывел новый тип героя, сосредоточившего в себе «болезнь века» – себялюбие, меланхолию, «мировую скорбь». Рене, одинокому, неприкаянному, бесцельно блуждающему по миру, безусловно, типологически родствен образ Печорина. «И Рене и Печорин – натуры беспокойные, люди с боль-

¹ Об этом же пишут и современные исследователи: «Печорин – родня не только Онегину, но и Вертеру Гете, Адольфу Констана, Максим Максимыч – Белкину и Савеличу Пушкина. В романе узнаваемы общие места поэтики романтического романа: сюжетные ситуации, фабула, романические коллизии, типичен конфликт героя и общества» [4. С. 23].

шими, но неопределенными, для них самих неясными духовными запросами, чуждыми, во всяком случае, исканиям общественного блага, истины и т.п. Искания Рене и Печорина – это поиски самих себя, постоянное углубление в свои переживания» [2. С. 11]. Общий удел этих героев – неудовлетворенность, исчерпанность душевных сил, внутренняя пустота. На уровне структуры образов типологическими чертами являются «смутность страстей», смешанность чувств, носящих зачастую зыбкий, неопределенный или непостижимый характер. Русский герой, как и его французский «прототип», наделены переизбытком жизни, энергией и страстностью, которым нет достойного поприща. Но Печорин, в отличие от Рене, не отрекается от земного, не думает о возможности уйти в монастырь, и религиозная тема для лермонтовского романа не была столь значима, как для Шатобриана, рассматривающего христианство как единственное спасение от «смутности страстей». Повесть «Рене», как известно, наряду с «Аталой» должна была служить художественной иллюстрацией к трактату «Гений христианства», в котором автор прославлял католицизм как религию, сдерживающую и смягчающую человеческие страсти.

Объединяет героев Шатобриана и Лермонтова и общеромантический мотив *странничества*. Рене видит в своих путешествиях способ уйти от преследующей меланхолии. Совершив безотрадное путешествие по «руинам» Европы, он бежит от цивилизации в Америку, но и в американской руссоистской идиллии остается одиноким и страдающим. Если немецкий раннеромантический художник отправлялся в путь за идеалом (голубым цветком), то поколение французских и английских романтиков находится в вечных странствиях без цели, без желаний.

Образ страдальца Рене лишен того «вампиризма» и наслаждения страданиями других людей, которые будут в характерах Октава и Печорина. Его скорбь и трагическая, безысходная меланхолия не вымещаются на близких и любимых людях. Печорин же в отношениях с Бэлой и княжной Мэри действует в угоду своему тщеславию и эгоизму. Предвкушая слезы Мэри, он не без удовольствия признается: «...есть минуты, когда я понимаю Вампира...» [5. С. 541]. Смысл его действий зачастую определяется прихотью или «бесом противоречия», заставляющим его вступать в конфликт с окружающими единственно из непреодолимого желания возражать.

Адольфа из одноименного романа Бенжамена Констана и Печорина сближает общая для романтических героев психология: мотивы одиночества, отчуждения от общества, погруженности во внутренний мир. Так, Адольф на протяжении всего романа занят только собою и своими чувствами. Пожалуй, только один раз он отвлекается от постоянного самоанализа и поднимается до уровня философских обобщений в довольно лаконичном пейзажном описании (единственном, которое есть в книге): «День угасал; небо было чисто; поля пустели; работы людские кончались; люди предавали природу себе самой. Думы мои означились постепенно оттенками более строгими и величавыми. Мраки ночи, густевшие беспрестанно, обширное безмолвие, меня окружавшее и передаваемое одними отзывами редкими и отдаленными, заменили мое волнение чувством более спокойным и благоговейным <...> Я давно не испытывал ничего подобного: беспрерывно поглощаемый размышлениями всегда личными, всегда обращающий взоры на свое положение, я сделался чуждым всякому общему понятию; я занят был только Элленорою и собою» [6. С. 73]. Однако умиротворенное настроение, ставшее результатом философских размышлений о смерти, вскоре сменяется «нетерпением довольно тяжким» [6. С. 74] из-за мыслей о постоянном контроле со стороны Элленоры, а затем нежным умилением от радостной встречи с нею и далее вновь смутным волнением – и это спектр чувств героя только за одни сутки. Не только «раздвоенность человеческой психики», в которой, по мнению А. Ахматовой, заключается новизна романа [7. С. 88–89], но и зыбкость и непостоянство чувств составляют психологическую доминанту характера Адольфа. Он и сам не устает удивляться хаотичности собственного внутреннего мира. Его образ лишен всякой устойчивости и твердости и находится в постоянном движении.

Эти безволие и вечные колебания, по мысли В. Мильчиной, делают Адольфа и его автора, который передал своему герою собственный психологический склад, «человеком романтической эпохи. Ибо отсутствие воли было одним из главных диагнозов, который писатели той эпохи ставили героям своего века» [8. С. 25]. Уточним, что это преимущественное свойство французских героев-романтиков. Можно вспомнить «смутность страстей», смешанность чувств, носящих зачастую зыбкий, неопределенный или непостижи-

мый характер у героев Шатобриана. То же относится и к роману А. Мюссе «Исповедь сына века», герой которого испытывает безволие, нерешительность и ощущение двойственности своей натуры.

Адольф страдает от своей нерешительности и, пытаясь разорвать отношения, еще сильнее связывает себя ненужными ему узами. Он постоянно сетует на свое бездействие, пристально анализируя чувства, которые меняются каждую минуту. Адольф так часто укоряет себя за медлительность и слабование, что это невольно напоминает нам образ Гамлета. Борьба со злом приняла у него форму психологического конфликта, его узурпатором является Элленора, от власти которой он всеми силами стремится освободиться. «Пращи и стрелы яростной судьбы» заменены метафизикой сложных любовных отношений, «Дания-тюрьма» – адом совместной жизни, откладываемая мечь – затянувшимся расставанием.

Саморефлексия Печорина не отнимает у него способности действовать. Он лишен «гамлетовского комплекса» бездействия, которым страдает Адольф. Русский герой обладает волей, сильным характером и внутренней независимостью. Его сложно представить в подчиненной роли. «Одно мне всегда было странно: я никогда не делался рабом любимой женщины; напротив, я всегда приобретал над их волей и сердцем непобедимую власть, вовсе об этом не стараясь» [5. С. 517]. Кругозор Печорина шире, чем у Адольфа, замкнутого на мельчайших душевных движениях. В журнале лермонтовского героя не только психология, но обрисовка характеров и поступков других людей, великолепные картины природы, философские раздумья.

Очевидно, что из «Героя нашего времени» роману Констана более всего близка повесть «Княжна Мэри». Их объединяет любовная интрига, тема оболыбления и игры в чувства. Адольф, соблазняющий Элленору из смешанного чувства любви и тщеславия, напоминает Печорина, не любящего Мэри, но однако упорно, по «системе», добивающегося ее взаимности. Тем не менее в общей схеме любовной интриги, присутствующей в обоих произведениях, есть важные различия.

Герой Констана начинает свое повествование достаточно традиционно, взяв за точку отсчета некое значимое событие, в данном случае – окончание курса в Геттингенском университете и прибытие

в город Д***. В начале исповеди Адольф сообщает «предысторию», которая настраивает читателя на плавный и последовательный рассказ: непростые отношения с отцом, идущие с детства, особенности собственного характера, ставшего результатом дисгармоничного воспитания. Печорин также начинает свой рассказ с упоминания о приезде в Пятигорск и довольно быстро переходит к описанию встречи с Грушницким и княжной Мэри, становящейся завязкой любовной интриги. Но его жизнь до отъезда на Кавказ никак не освещается (за исключением упоминания о таинственной петербургской «истории»), мы ничего не узнаем о его семье, детских и юношеских годах («толстую тетрадь», содержащую «всю жизнь» героя, издатель, странствующий литератор, обещал нам опубликовать позже). И в целом повествование в романе «Герой нашего времени», более динамичное, лишенное плавной последовательности и хронологической связности, создает вокруг Печорина атмосферу таинственности.

Оба героя молоды (их возраст указывается авторами: Адольфу 22 года, Печорину, по оценке Максима Максимыча, около 25 лет). Но если Адольф только вступает во взрослую жизнь и имеет мало опыта в любовных отношениях, то Печорин обнаруживает прекрасное знание и женщин, и «науки страсти нежной». При почти равном возрасте Печорин в сравнении с Адольфом пресыщеннее и «старее» душой. Он начинает следить за развитием отношений княжны Мэри и Грушницкого и разрабатывает собственную «систему», вызывая в княжне сначала раздражение, потом благодарность, любопытство и, наконец, любовь, но сам точно не понимает, с какой целью он это делает. Анализируя свои чувства к Мэри, Печорин стремится дойти до сути, обнажая страшные глубины своей души, отравленной злом, себялюбием и демоническим упоением властью. «Я часто спрашиваю себя, зачем я так упорно добиваюсь любви молоденькой девочки, которую обольстить я не хочу и на которой никогда не женюсь?... А ведь есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души! Она, как цветок, которого лучший аромат испаряется навстречу первому лучу солнца; его надо сорвать в эту минуту и, подышав им досыта, бросить на дороге: авось кто-нибудь поднимет! Я чувствую в себе эту ненасытную жажду, поглощающую все, что встречается на пути; я смотрю на страдания и радости других только в отношении к себе, как на пищу, поддержи-

вающую мои душевные силы... первое мое удовольствие – подчинять моей воле все, что меня окружает; возбуждать в себе чувство любви, преданности и страха – не есть ли первый признак и величайшее торжество власти?...» [5. С. 528–529].

И при этом временами Печорина охватывает скука: «Я все это знаю наизусть – вот что скучно!» [5. С. 532]. Как это не похоже на предвкушение любви у Адольфа: «До той поры я не имел ни с одной женщиной связи, лестной для моего самолюбия: казалось, новое будущее разоблачилось в глазах моих; новая потребность отзывалась в глубине моего сердца» [6. С. 42]. Но тут же герой, привыкший к доскональному анатомированию чувств, продолжает: «В этой потребности было, без сомнения, много суетности: но не одна была в ней суетность; может статься, было ее и менее, нежели я сам полагал. Чувства человека смутны и смешанны; они образуются из множества различных впечатлений, убегающих от наблюдения; и речь, всегда слишком грубая и слишком общая, может послужить нам к означению, но не к определению оных» [6. С. 42].

Адольф не может разобраться в своих чувствах, сложное внутреннее борение между желанием нравиться, нетерпением, самолюбием и застенчивостью заставляют его, как всегда, затягивать объяснение. «Кто стал бы читать в сердце моем в ее отсутствие, тот почел бы меня соблазнителем холодным и малочувствительным. Но кто увидел бы меня близ нее, тот признал бы меня за любовного новичка, смятенного и страстного» [6. С. 45]. Не в силах побороть свою нерешительность Адольф делает любовное признание в письме. Когда Эленора отказывает ему и уезжает, игра в любовь переходит в настоящее чувство, которое целиком поглощает Адольфа: «Любовь, которую за час перед тем я самохвально лукавил, казалось, господствовала во мне с иступлением» [6. С. 46]. Подобная трансформация есть и у Печорина («Я не видал ее! Она больна! Уж не влюблен ли я на самом деле?... Какой вздор!» [5. С. 537], «Что же это такое? Неужели я влюблен?... Я так глупо создан, что этого можно от меня ожидать» [5. С. 539]). Адольф, вначале обольщающий Эленору из тщеславия, затем переживает настоящую любовную эйфорию («Я видел в ней создание небесное: любовь моя походила на поклонение...» [6. С. 52]), которая, правда, вскоре сходит на нет. В случае же с Печориным сохраняется тайна чувства, герой даже сам не смог

бы ответить, что он испытывает: сильнейшую страсть или желание острых ощущений для энергетической «подпитки». Даже в самые волнующие моменты он продолжает рефлексировать и подвергать рациональному, саркастическому анализу свои чувства. И, наконец, страх потерять свободу заставляет Печорина бездушно оборвать отношения с княжной («...Я вас не люблю» [5. С. 543]). Его мятежную душу манят туманные дали, море и «желанный парус», являющиеся в поэтическом языке Лермонтова символом свободной бурной жизни.

В отличие от романа Констана, в котором прослеживается только одна любовная линия, у Лермонтова мы имеем дело с любовным треугольником: Печорин – княжна – Вера. В монографии С.И. Родзевича отмечено сходство образов Элленоры и Веры. «В отношениях Печорина к Вере мы наблюдаем те же психологические противоречия, что и в отношениях Адольфа к Элленоре. Оба они как бы тяготеют любовью к ним; но в то же время, когда наступает момент разрыва, в них возникает сложное чувство. Это – ощущение своего одиночества вне исчезающей любви» [2. С. 21]. Элленора и Вера, будучи замужем, жертвуют многим ради любви. Но Элленора открыто нарушает законы света и ради любви к Адольфу жертвует своим стабильным, хотя и двусмысленным семейным положением, репутацией в свете, детьми. Она более независимая и сильная личность, способная пойти против сурового мнения света. В русском варианте тема адюльтера решена более мягко и скрытно, без вызывающего разрыва с семьей и общественным мнением. После ссоры с мужем, которому стало известно об измене, Вера окончательно и беспрекословно расстается с Печориным.

В развитии любовных линий романов образы Адольфа и Печорина сближает роль инициатора любовной интриги, игра в любовь и сложность психологических побуждений. Интересен и общий мотив перехода игры в настоящее чувство, подчеркивающий психологическую сложность и неоднозначность душевного мира героев. Однако в Печорине нет ни робости, ни восторженности чувств, ни сентиментального многословия Адольфа. В целом Адольф более чувствительная натура, Печорин же – головная, рассудочная. И, конечно, многое определяется тем, что Адольф впервые переживает любовное смятение, бессонницу и слезы, Печорин же намного более искушен в любви. При этом Печорин хуже и страшнее своего французского

прообраза. Адольф боится даже опечалить Эллиенору и уже при мысли об этом чувствует угрызения совести. Печорин же хладнокровно играет человеческими судьбами, он демонически притягателен и аморален. Его жизнь – погоня за острыми ощущениями и утраченными чувствами. Безжалостная игра с Мэри, затем жестокое вмешательство в судьбу Бэлы, приведшее к ее смерти, – эта утонченная «эстетика зла», которая проецируются не столько на французскую романтическую прозу первой трети XIX в., сколько на рокайльный роман XVIII в. и байронических героев. В то же время «Лермонтов награждает Печорина множеством недостатков, но при этом ни на минуту не упускает из виду сверхзадачу: придать герою обаяния. Оно – в мощи ума, в мужестве строгого самоотчета, в бесстрашии заглядывания в самые темные уголки души. В герое есть и другие достоинства (смелость, способность к благородным порывам, артистизм), но эти качества значимы именно на фоне его блистательного интеллектуализма» [9. С. 266–267].

Достаточно подробный сравнительный анализ «Героя нашего времени» и романа Альфреда де Мюссе «Исповедь сына века» (1836) представлен в монографии С.И. Родзевича «Предшественники Печорина во французской литературе». Ученый внимательно изучает совпадения между романами как общего, так и частного характера. Очевидно, что с «Героем нашего времени» роман Мюссе роднит прежде всего заглавие, заявляющее о типичности героя, воплощающего в своей судьбе все поколение эпохи «безвременья». По сравнению с прозой раннего французского романтизма Мюссе и Лермонтов стремятся к более широкому охвату реальности и внешнего мира. Их романы уже примыкают к реалистической психологической прозе, в которой человек изображается через общество, время и историю. Печорин, как и французский «сын века», типизирует все поколение, представляя обобщенный портрет современника. Постоянное самонаблюдение, ощущение раздвоенности своей натуры – типологически общие черты героев. «Во мне почти всегда было два человека: один из них смеялся, а другой плакал. Это было как бы постоянное отражение действия головы на сердце» [10. С. 167] – это признание Октава почти полностью повторяется во фразе Печорина: «Во мне два человека: один живет в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его...» [5. С. 552].

«Сопоставляя Октава с Печориным, мы не думаем вовсе считать первого непосредственным прототипом второго, как не считаем таковым и Адольфа. Октав, как тип, как нечто целое, отличен от Печорина» [2. С. 43], – приходит к выводу Родзевич. В психологическом облике Октава и Печорина действительно мало схожего. Герой Мюссе – натура чувствительная, экзальтированная, склонная к бурным эмоциям и иступленным поступкам. Печорин более хладнокровен, рассудителен, его чувства обычно скрыты от окружающих и находятся под полным контролем разума. Это не означает совершенной холодности его натуры, Печорин также способен к сильным, аффектированным действиям (эпизод с отъездом Веры и ее прощальным письмом). Но при этом высокую патетику чувства он тотчас может снизить каким-либо ироническим замечанием. Его французские предшественники, как точно отметила Л.И. Вольперт, совершенно лишены чувства иронии и самоиронии – свойств развитого и широкого ума.

Роман Мюссе заканчивается тем, чем, вероятно, должен был бы завершиться «Адольф», чтобы избежать трагической развязки, – расставанием героев, измученных взаимными терзаниями. Октав благомерно дает Бригитте свободу, чтобы избавить ее от страданий, которые он осознанно или неосознанно причинял. Такой «благоразумный» финал у Мюссе, контрастирующий с трагически-романтической концовкой в романе Констан, есть свидетельство иной, реалистической поэтики произведения.

Образ «миражей», использованный С.П. Шевыревым по отношению к герою Лермонтова в критических целях, оказался не только очень выразительным, но и весьма точным. Западные «миражи», т.е. французские прообразы Печорина, на первый взгляд несомненны или очевидны. Но при ближайшем рассмотрении их родственность, с одной стороны, имеет общеромантический характер, с другой – порождена, вероятно, чтением Байрона, который стал для Лермонтова по-этом-посредником французского влияния. При этом у английского поэта Лермонтов не мог найти тончайший самоанализ и напряженную рефлексию, которыми прославилась романтическая проза Франции. Поиск именно этих свойств, возможно, и привел писателя к французским героям-«рефлектерам»: Рене, Адольфу и Октаву.

Список источников

1. Шевырев С.П. Герой нашего времени. Соч. М. Лермонтова. Две части. СПб., 1840 // Москвитянин. 1841. Ч. 1, № 2. С. 515–538.
2. Родзевич С.И. Предшественники Печорина во французской литературе. Киев : Тип. Т.Г. Мейнандера, 1913. 48 с.
3. Томашевский Б. Проза Лермонтова и западноевропейская литературная традиция // Литературное наследство. Т. 43/44. М. : Изд-во АН СССР, 1941. Кн. I. С. 469–516.
4. Захаров В.Н. «Смелость изобретения» в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Проблемы исторической поэтики. 2014. № 12. С. 18–32.
5. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М.Ю. Избранные сочинения. М. : Художественная литература, 1987. 623 с.
6. Констан Б. Проза о любви / пер. с фр., ст. и комм. В. Мильчиной. М. : ОГИ, 2006. 568 с.
7. Ахматова А.А. «Адольф» Бенжамена Констана в творчестве Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1936. [Вып.] I. С. 91–114.
8. Мильчина В.О. Бенжамене Констане и его автобиографической прозе // Констан Б. Проза о любви / пер. с фр., ст. и комм. В. Мильчиной. М. : ОГИ, 2006. С. 17–34.
9. Вольперт Л.И. Лермонтов и литература Франции. Тарту : Университет Тарту, 2010. 276 с.
10. Мюссе А. де. Исповедь сына века. Новеллы. Пьесы / пер. с фр. ; сост., вступ. ст., примеч. В. Мильчиной. М. : Правда, 1988. 604 с.

References

1. Shevryev, S.P. (1841) *Geroy nashego vremeni*. Soch. M. Lermontova. Dve chastii. SPb., 1840 [“A Hero of Our Time” by Mikhail Lermontov. Two Parts. St. Petersburg. 1840]. *Moskvityanin*. 1(2). pp. 515–538.
2. Rodzevich, S.I. (1913) *Predshestvenniki Pechorina vo frantsuzskoy literature* [Pechorin’s predecessors in French literature]. Kyiv: Tip. T.G. Meynandera.
3. Tomashevskiy, B. (1941) Proza Lermontova i zapadnoevropeyskaya literaturnaya traditsiya [Lermontov’s prose and West European tradition]. In: Lebedev-Polyanskiy, P.I. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 43/44. Moscow: USSR AS. pp. 469–516.
4. Zakharov, V.N. (2014) “Smelost’ izobreteniya” v romane M.Yu. Lermontova “Geroy nashego vremeni” [“Courage of invention” in Mikhail Lermontov’s novel “A Hero of Our Time”]. *Problemy istoricheskoy poetiki*. 12. pp. 18–32.
5. Lermontov, M.Yu. (1987) *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

6. Constant, B. (2006) *Proza o lyubvi* [Prose About Love]. Translated from French by V. Milchina. Moscow: OGI.

7. Akhmatova, A.A. (1936) “Adol’f” Benzhamena Konstana v tvorchestve Pushkina [“Adolphe” by Benjamin Constant in Pushkin’s works]. In: Oksman, Yu.G. (ed.) *Pushkin: Vremennik Pushkinskoy komissii* [Pushkin: Annals of the Pushkin Commission]. Vol. 1. Moscow, Leningrad: USSR AS. pp. 91–114.

8. Milchina, V. (2006) O Benzhamene Konstane i ego avtobiograficheskoy proze [Benjamin Constant and his autobiographical prose]. In: Constant, B. *Proza o lyubvi* [Prose About Love]. Translated from French by V. Milchina. Moscow: OGI. pp. 17–34.

9. Volpert, L.I. (2010) *Lermontov i literatura Frantsii* [Lermontov and literature of France]. Tartu: University of Tartu.

10. Musset, A. de. (1988) *Ispoved’ syna veka. Novelly. P’esy* [Confession of a Child of the Century. Novels. Plays]. Translated from French by V. Milchina. Moscow: Pravda.

Информация об авторе:

Беликова Е.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: e.v.belikova@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Belikova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: e.v.belikova@bk.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья принята к публикации 04.04.2022.

The article was accepted for publication 04.04.2022.